

Диво-дивное.

I.

Жила-была въ деревнѣ старуха.

А у старухи этой былъ сынъ Иванъ.

Иванъ въ полѣ работалъ: пахалъ, сѣялъ, молотилъ и прочее; дрова возилъ и на охоту ходилъ.

Всего у нихъ довольно было.

Вотъ разъ пошелъ Иванъ на охоту и собакъ гончихъ съ собой прихватилъ.

Долго ходилъ онъ по лѣсу, ничего не встрѣчая, но, наконецъ, нанюхали собаки заячій слѣдъ.

Погнались собаки за зайцемъ, а Иванъ выбралъ мѣстечко, спрятался за деревомъ и сталъ ожидать, пока собаки на него зайца нагонятъ.

Гоняли-гоняли собаки зайца и совсѣмъ близко его къ Ивану подогнали.

Совсѣмъ-было Иванъ прицѣлился и уже стрѣлять хотѣлъ, да вдругъ заяцъ остановился, повернулся, да прямо на собакъ кинулся.

Глядитъ Иванъ и глазамъ своимъ не вѣритъ.

Стали собаки отъ зайца улепетывать, еле ноги унесли.

Такъ и ушелъ заяцъ.

Пришелъ Иванъ домой, по дорогѣ одну куропатку убилъ.

Пришелъ и рассказываетъ матери:

— Ну, старушка, видѣлъ сегодня диво-дивное.

— Что же ты, сынокъ, видѣлъ? — спрашиваетъ мать.

— Гнали наши собаки зайца, а заяц вдруг обернулся, да на собакъ кинулся. Пошли собаки отъ него наутекъ, ели ноги унесли. Сроду ничего подобнаго не видѣлъ,—отвѣчаетъ Иванъ.

Выслушала баба сына и говорить:

— Ну, сынокъ, это еще не особенное диво. Бываетъ и хуже. Вотъ живетъ въ сосѣднемъ селѣ мужикъ Пахомъ, такъ тотъ и взаправду диво-дивное видѣлъ.

Интересно было Ивану про диво-дивное узнать.

И рѣшилъ онъ къ Пахому сходить, про диво-дивное узнать.

Вотъ пришло воскресенье, одѣлъ Иванъ шапку и пошелъ въ сосѣднее село.

Нашелъ онъ Пахома, рассказалъ ему, какое диво съ нимъ на охотѣ приключилось и про то, какъ мать ему на него, Пахома, указала.

— Расскажи мнѣ про диво-дивное, которое ты видѣлъ. Вотъ и рассказалъ ему Пахомъ.

II.

— Ъхаль я разъ по лѣсу.

Лежу на дровняхъ и подремываю.

Лошадка рысцей бѣжить, санки потряхиваются.

Выѣхаль я на поляну, вижу—волкъ идетъ.

Идетъ, зубы скалитъ, видно, голодный.

Увидаль онъ меня съ лошадыю, открыть пасть, да какъ бросится на насъ.

Ну, думаю, пропала лошадь. А, можетъ быть, и я.

Подбѣжалъ къ лошади, а я схватилъ топоръ, да какъ хватилъ волка по спинѣ, такъ однимъ ударомъ его на-двое перерубилъ.

Думаль—сдохнетъ волкъ.

Анъ, гляжу, обѣ половинки въ разныя стороны поскакали.

Да такъ въ лѣсу и скрылись.

— Вотъ какое диво-дивное видѣлъ я. А только и это не самое дивное диво, —сказаль напоследокъ Пахомъ.— Вотъ живетъ отъ насъ въ десяти верстахъ старикъ Еремѣй, такъ тотъ почище диво-дивное видѣлъ.

Подивился Иванъ разсказу Пахома.

Поблагодарилъ онъ его за разсказъ и пошелъ домой.

А на слѣдующее воскресенье собрался и пошелъ Еремѣя искать, чтобы про диво-дивное отъ него узнать.

Пришелъ сначала въ сосѣднее село, отъ него еще десять верстъ отошелъ и въ деревню пришелъ.

Отыскалъ Иванъ тамъ стараго Еремѣя, сталъ его про диво-дивное разспрашивать.

Вотъ сталъ ему Еремѣй разсказывать.

III.

— Былъ у насъ въ деревнѣ мужикъ Антонъ.

А у Антона этого былъ сынъ.

Тогда ему было лѣтъ пятнадцать въ то время.

Да и мнѣ не больше того было. Съ Антоновымъ парнемъ я дружбу водилъ и въ мячъ съ нимъ часто игралъ.

Вотъ стали мы, ребята, какъ-то въ воскресенье въ мячъ играть.

Играли-играли.

Мячъ Антонову сыну принадлежалъ.

А около деревни нашей Волга протекала.

Въ этомъ мѣстѣ она съ версту шириной была.

Ладно.

Вотъ Антоновъ сынъ размахнулся палкой, да какъ ударить по мячу!

Такъ сильно по мячу ударилъ, что мячъ черезъ всю рѣку перелетѣлъ и на другомъ берегу упалъ.

Закручинился парнишка.

Вся бѣда была въ томъ, что въ этотъ день на ту сторону Волги никакъ перебраться нельзя было.

Моста и въ поминѣ не было, вплавъ такую ширину никто переплыть не могъ, а мірская лодка, на которой мы раньше Волгу, бывало, переѣзжали, въ это утро, словно на зло, о камень разбилась.

Прибѣжалъ парень къ отцу, сталъ плакать, сталъ просить мячъ достать.

Пришелъ Антонъ къ намъ и спрашиваетъ:

— А не замѣтили ли вы мѣсто, гдѣ мячикъ упалъ?

Ну, мы и показали.

— Вотъ, молъ, около того дерева.

Антонъ и говоритъ:

— Ладно.

Поехалъ онъ къ себѣ во дворъ, глядимъ, ведетъ оттуда быка.

— Ладно, — говоритъ, — сейчасъ вамъ мячъ достану.

И погналъ быка къ берегу.

Ну, мы, конечно, толпой за нимъ.

Любопытно, какъ онъ мячъ достанетъ и зачѣмъ онъ для этого на берегъ быка гонить.

Подождалъ Антонъ къ берегу, схватилъ быка за хвостъ, обернулъ хвостъ вокругъ руки, крѣпко-накрѣпко закру-

тиль, собрался съ силою, да какъ взмахнетъ быкомъ, такъ вмѣстѣ съ нимъ на другой берегъ и перелетѣлъ.

Нашелъ онъ тамъ мячъ.

Взялъ его въ карманъ, опять бычій хвостъ вокругъ руки обмоталъ, опять быкомъ по воздуху какъ махнетъ, такъ вмѣстѣ съ нимъ на нашъ берегъ и перелетѣлъ.

Вотъ, парень, что дѣйствительно было диво-дивное.

Выслушалъ Иванъ Еремѣя, подивился, какія чудеса на бѣломъ свѣтѣ бываютъ.

А Еремѣй и говоритъ:

— Да и это чудо не самое большое диво-дивное. А вотъ живетъ отъ насъ въ пятидесяти верстахъ старикъ Федулъ, такъ тотъ дѣйствительно диво-дивное видѣлъ.

Поблагодарилъ Иванъ Еремѣя за рассказъ.

И пошелъ-было домой.

Да и подумалъ:

„Домой итти цѣлый день нужно, а изъ дома до Федула снова три-четыре для итти, такъ не лучше ли прямо къ Федулу итти. Все на два дня итти меньше“.

Не пошелъ Иванъ домой, а пошелъ къ Федулу.

Ужъ больно любопытенъ былъ Иванъ.

Шелъ онъ день, шелъ другой, на третій день къ Федулу пришелъ.

Федулъ на заваленкѣ сидѣлъ и на улицу глядѣлъ.

Подошелъ къ нему Иванъ, поздоровался.

А Федулъ и спрашиваетъ:

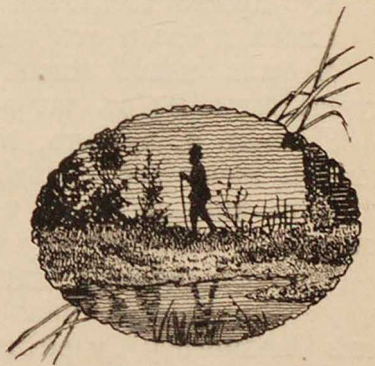
— Откуда и зачѣмъ пришелъ?

Иванъ и отвѣчаетъ:

— Такъ и такъ, говорятъ люди добрые, что ты самое диво-дивное видалъ, такъ я и пришелъ попросить, чтобы ты мнѣ про него рассказалъ.

Посмотрѣлъ на него старикъ.

— Что же, изволь... Рассказать мнѣ не трудно.

Посадила тутъ Федулъ Ивана съ собой рядомъ и сталъ рассказывать.

IV.

— Была у меня раньше жена.

Теперь она уже умерла, да и я свой вѣкъ доживаю.

Ну, а тогда мы съ ней вмѣстѣ жили.

И была моя жена такая задорная и злая, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать.

Бывало, что ни попросишь, ни за что не исполнить, только все время бранится, да ко всякой мелочи привязывается.

Ну, просто хотъ бѣги вонъ.

Слова доброго отъ нея добиться было нельзя.

И была наша жизнь такой ужасной, что, кажется, лучше было бы въ каторгу итти.

Думалъ я, думалъ, гадалъ я, гадалъ, и вздумалъ, наконецъ, жену хорошенько веревкой проучить.

Вотъ какъ-то разъ начала она меня по обыкновенію пилить да точить.

Взялъ я веревку и говорю:

— Ну, баба, не билъ я тебя до сихъ поръ, да больше мнѣ не вмоготу терпѣть. И чтобы тебѣ не повадно было меня больше ругать, рѣшилъ я тебя какъ слѣдуетъ веревкой проучить.

Не зналъ я тогда, что жена со мной сдѣлать можетъ.

Только успѣлъ я эти слова сказать, какъ она схватила палку, ударила меня по спинѣ и говоритъ:

— Ходилъ ты до сихъ поръ человѣкомъ, а теперь побѣгай-ка ты чернымъ псомъ.

Въ ту же минуту я и превратился въ чернаго пса.

Съ той поры сталъ я по двору, да по улицѣ бѣгать.

Бывало, по цѣлымъ часамъ вылъ у окна или у двора, все думалъ, что баба моя смилуется и меня опять въ человѣка обратить.

Да не тутъ-то было.

Баба моя не только сжалиться надо мною не хотѣла, но каждый разъ норовила мнѣ лишь больно сдѣлать.

То камнемъ въ меня пустить, то кипяткомъ меня изъ окна ошпарить, то палкой ударить.

Да хотъ бы кормила меня при этомъ досыта.

А то, вѣдь, и кормить-то совѣмъ не кормила.

Самъ найдешь какую-нибудь кость, такъ ладно, а не найдешь, такъ и ложись спать голоднымъ.

Словомъ, настала для меня такая мучительная жизнь, что хотъ въ воду топись или просто сдыхай.

Думалъ я, думалъ, такъ и эдакъ прикидывалъ, да и рѣшилъ, наконецъ, уйти, куда глаза глядятъ.

Выбѣжалъ я въ поле.

Гляжу, а въ полѣ стадо сосѣдней деревни ходить, а стадо-то пастухъ сторожить.

Вотъ я и присталъ къ стаду.

Сталъ я помогать пастуху то стадо стеречь.

Увидалъ пастухъ, какъ я стараюсь, и накормилъ меня.

А я и взаправду старался.

Бывало, только отобьется отъ стада корова или овца, я на отбившуюся брошусь и живо ее пригоню.

Съ этого дня сталъ я при пастухѣ жить, со стадомъ ходить, а пастухъ меня за это кормить сталъ.

Волкамъ отъ меня пощады не было.

Цѣлый десятокъ волковъ перегрызъ я, а тѣ, которые остались, до того напугались, что стадо совѣмъ въ покоѣ оставили и даже ближній лѣсъ покинули.

Скоро я такъ научился стадо пасти и оберегать, что не надо было стаду и пастуха.

И безъ него я со всеѣмъ стадомъ управлялся.

Бывало, ляжетъ пастухъ и заснетъ, а я за него все дѣло дѣлаю.

Ни одного ягненка у меня украсть нельзя было.

Иногда пастухъ по цѣлымъ днямъ въ деревнѣ сидѣлъ, а я стадо пасъ.

И за это онъ такъ меня полюбилъ, что всякимъ кускомъ со мной, бывало, дѣлился.

Вотъ какъ-то разъ заснулъ онъ на полѣ и что-то долго проспалъ у дороги.

Я тѣмъ временемъ стадо понемножку къ водопою на рѣку гналъ и довольно далеко стадо отъ пастуха отогналъ.

Проснулся пастухъ, а баринъ по дорогѣ катить.

Поровнялся баринъ съ пастухомъ и спрашиваетъ:

— Что же это ты такъ за стадомъ смотришь? Или не видишь, что стадо отъ тебя на полверсты ушло?

А пастухъ отвѣчаетъ:

— Это, баринъ, ничего, при моемъ стадѣ есть черный песъ, а тотъ песъ лучше пастуховъ стадо оберегаетъ.

Не повѣрилъ баринъ.

— Что ты мнѣ глуности городишь, — говоритъ. — Вотъ хочешь объ закладъ биться, что я сейчасъ къ стаду подойду и любую корову изъ него уведу.

Подумалъ пастухъ и отвѣчаетъ:

— Давай объ закладъ биться. Коли уведешь какую-нибудь корову, такъ бери мое жалованье за цѣлый годъ, а коли не уведешь, такъ заплати мнѣ двѣсти рублей.

Баринъ согласился.

Вышелъ онъ изъ брички, догналъ стадо, подошелъ къ нему и хотѣлъ-было корову поймать.

А я какъ наскочу на него.

Какъ онъ ни отбивался отъ меня, а я ему всѣ ноги изгрызъ, да и самого бы искусалъ, если бы онъ не убѣжалъ.

Нечего дѣлать.

Отдать онъ пастуху двѣсти рублей и уѣхалъ.

А пастухъ меня съ этого дня еще больше полюбилъ.

Прожилъ я съ пастухомъ до осени.

И вдругъ захотѣлось мнѣ домой сбѣгать.

— Можетъ быть, думаю, теперь баба моя смилуется и меня опять въ человѣка превратитъ.

Оставилъ я стадо и побѣжалъ уже подъ вечеръ, когда стадо уже къ деревнѣ шло, въ свою деревню.

Подбѣжалъ я къ своей избѣ и завылъ.

Услыхала этотъ вой моя баба.

Вышла она изъ избы, огрѣла меня палкой по спинѣ, да и говоритъ:

— Ахъ, ты опять здѣсь! Ну, хорошо, надоѣло тебѣ бѣгать чернымъ псомъ, такъ полетай-ка теперь снѣгиремъ. И превратился я тотчасъ же въ снѣгирия.

Вспорхнулъ я, замахалъ крыльями и взлетѣлъ на дерево.

Тутъ я и птичій языкъ понимать сталъ.

Сталъ я съ той поры на деревьяхъ жить, на крышахъ, по дворамъ, полямъ летать, зерна собирать.

Осенью на поляхъ зеренъ много было.

Жилось сытно.

А вотъ когда пришла холодная зима, да покрылась земля снѣгомъ, тутъ-то мнѣ пришлось совсѣмъ плохо.

Нашего брата, птицъ, много, а корма мало.

Иной разъ день-деньской летаешь - летаешь, да такъ къ вечеру и не насытишься, такъ голоднымъ и уснешь на вѣткѣ.

Да и холодъ донималъ, морозъ иной разъ такъ хватить, что на лету, того гляди, замерзнешь.

Вотъ леталъ я, леталъ, да какъ-то разъ залетѣлъ въ какое-то село и сѣлъ на вѣткѣ въ садикѣ.

А рядомъ со мной воробей присѣлъ.

Посмотрѣлъ я внизъ и увидѣлъ западню.

А воробей мнѣ и говоритъ:

— Вотъ, сынишка колдуна западню для нашего брата поставилъ.

Я спрашиваю:

— А каковъ этотъ колдунъ? Добрый или злой?

— Колдунъ добрый, — отвѣчаетъ воробей.

Вотъ я и призадумался.

Голодень я въ этотъ день былъ очень сильно.

За весь день удалось найти какихъ-нибудь сто зеренъ, а сто зеренъ мнѣ обыкновенно и на полдня не хватало.

„А что, — сталъ думать я, — если мнѣ самому въ эту западню нарочно влетѣть. Зерна тамъ есть.

„А поймаютъ меня, такъ и кормить будутъ и въ теплѣ будутъ держать“.

Сказано—сдѣлано.

Слетѣлъ я на землю, а потомъ въ западню влетѣлъ.
Захлопнулась за мною западня.

Поѣлъ я въ темнотѣ насыпанныя въ западнѣ зерна,
насытился и сталъ ждать.

Прошло часа три.

Но вотъ пришелъ сынъ колдуна, Гриша, вынулъ меня
изъ западни и понесъ въ домъ.

Колдуна дома не было.

Прибѣжалъ къ нему сынишка.

Показалъ меня и говорить:

— Вотъ какого я, папа, снѣгирия сегодня поймалъ. Я
его сейчасъ въ клѣтку посажу, буду кормить и поить.

Взялъ меня въ руки колдунъ и сталъ во все стороны
повертывать, со всехъ сторонъ меня осматривать.

Смотрѣлъ-смотрѣлъ и говорить:

— Нѣтъ, Гриша, этого снѣгирия ты не посадишь въ
клѣтку.

— Почему?—спрашиваетъ Гриша.

— А потому, что это не снѣгирь, а человѣкъ.

Тутъ онъ дунулъ на меня, я и сталъ снова мужикомъ.

Обрадовался я, сталъ его благодарить, а потомъ сталъ
его просить научить меня, какъ бы мою злую жену на-
казать.

Далъ онъ мнѣ прутикъ и говорить:

— Возьми ты этотъ прутикъ въ правую руку, хлещи
имъ свою жену по правому плечу и скажи: „Ходила ты
до сихъ поръ бабой, а теперь побѣгай ослицей“.

Поблагодарилъ я его, взялъ въ правую руку прутикъ,
запомнилъ деревню, въ которой колдунъ жилъ, распро-
силъ про дорогу до дому и пошелъ домой.

Шель-шель и пришелъ.

Пришелъ и спрятался за свой овинъ.

Вотъ дождался я вечера.

Гляжу, а моя жена изъ избы выходитъ, чтобы на по-
сѣдки итти.

Вышелъ я изъ-за овина, подкрался къ ней тихонько
сзади, ударилъ ее прутикомъ по правому плечу.

— Ну, жена, ходила ты до сихъ поръ бабой, а теперь побѣгай ослицей.

Въ ту же минуту моя жена въ ослицу и превратилась. Взялъ я палку и выгналъ вонъ со двора.

Потомъ передумалъ, побѣждалъ за нею, догналъ, на-дѣлъ ей недоуздокъ и привязалъ ее въ сараѣ.

Съ той поры сталъ я ее кормить гнилой соломой и кули на ея спинѣ возить.

Проработалъ я на ней цѣлыхъ два года.

Могъ бы я на ней и всю жизнь работать, да только жалъ мнѣ стало, наконецъ, свою бабу.

Подумалъ я, подумалъ и пошелъ опять къ колдуну, который меня выручилъ.

Пришелъ и говорю:

— Не хочу больше бабу свою мучить. Сдѣлай милость, научи, какъ мнѣ ее снова въ человѣка превратить.

Колдунъ и отвѣчаетъ:

— Дамъ я тебѣ другой прутикъ. Возьми его въ лѣвую руку и ударь имъ ослицу.

Тутъ онъ мнѣ далъ прутикъ.

Поблагодарилъ я его и пошелъ домой.

Пришелъ я домой, вошелъ въ сарай, взялъ прутикъ въ лѣвую руку и ударилъ имъ мою ослицу.

И въ тотъ же мигъ ослица въ мою бабу превратилась.

И съ той поры моя жена совсѣмъ измѣнилась.

Отъ бывшей злости и слѣда не осталось, стала она бабой степенной, ругаться перестала, и прожили мы съ нею въ мирѣ и согласіи до самой ея смерти.

Вотъ какое со мной диво-дивное приключилось.

А только и это еще не самое большое диво-дивное.

Живетъ отъ насъ въ ста верстахъ старый Никифору.

Тотъ, говорятъ, еще большее диво-дивное на своемъ вѣку видывалъ.

Поблагодарилъ Иванъ Федула за рассказъ.

И захотѣлось ему Никифору повидать и отъ него про диво-дивное услышать.

И про домъ онъ совсѣмъ позабылъ.

Простился онъ съ Федуломъ, разспросилъ про дорогу и пошелъ Никифора искать.

Шесть дней онъ шелъ, по деревнямъ ночеваль, пока, наконецъ, до той деревни не дошелъ, въ которой Никифоръ старый жилъ.

И самъ усталъ и сапоги истрепаль, пока до Никифора дошелъ.

Дѣдъ Никифоръ на лугу сидѣлъ и бѣлые пряники ѣлъ.

Поздоровался съ нимъ Иванъ, рассказалъ ему, что раньше слыхаль и зачѣмъ къ нему, Никифору, пришелъ, и сталъ Никифора просить, чтобы онъ ему про диво-дивное рассказалъ.

А Никифоръ и отвѣчаетъ:

— Изволь, парень, отчего мнѣ тебѣ не рассказать.

Да и сталъ Ивану про диво-дивное рассказывать.

V.

— Молодъ я тогда еще былъ.

Помню, незадолго передъ этимъ я женился.

Ну, извѣстно, жили мы, жили, крестьянскую свою работу работали, всякія, значить, тамъ разныя дѣла справляли.

А былъ у насъ на деревнѣ мужикъ по имени Тить.

Не старъ былъ Тить, да только разумный, да смысленый былъ очень, что угодно смастерить могъ.

А могъ онъ это, сказываютъ, потому, что слово такое чудесное зналъ, съ которымъ можно сдѣлать было.

Вотъ жили мы, жили.

Разъ по веснѣ хлѣба такіе взошли, что мы нарадоваться не могли.

Что время дальше идетъ, то хлѣба лучше становятся.

Стали колосья наливаться, такъ къ землѣ колосья и гнутся.

Лѣтъ, почитай, двадцать деревня такого урожая не видала.

Только какъ подошло время жать, дожди и пошли.
Льетъ дождь дни и ночи.

Приуныли мужики.

Ждутъ день, другой, третій, пятый, думаютъ, что вотъ-вотъ дождь перестанетъ, дастъ возможность хлѣба сжать, просушить и свозить.

Такъ куда тебѣ!

Не перестаетъ дождь, хоть ты что хочешь дѣлай, да и баста, вотъ-вотъ погубить весь урожай, оставитъ насъ нищими.

Такъ затосковали мужики, что мѣста себѣ не находятъ, всѣ какъ тѣни ходятъ.

Вышли мужики разъ въ поле, стоятъ подъ дождемъ, вздыхаютъ.

Глядь—вдругъ идетъ Титъ.

А за нимъ попъ съ діаконѣмъ и псаломщикомъ.

Отслужили молебенъ.

Глядимъ, Титъ съ колѣнъ не встаетъ.

Потомъ всталъ, ушелъ въ деревню и сталъ оттуда рѣшетины таскать.

Глядимъ мы и дивимся.

Вкопалъ онъ въ землю рѣшетину, влѣзъ до верху и привязалъ къ концу ея другую рѣшетину.

Потомъ спустился внизъ, захватилъ съ собою третью рѣшетину, влѣзъ съ нею наверхъ и привязалъ ее къ концу второй рѣшетины.

Къ концу третьей рѣшетины привязалъ онъ четвертую, къ концу четвертой—пятую.

И до тѣхъ поръ онъ рѣшетины эти надвязывалъ, пока, наконецъ, верхняя рѣштина въ самыя облака не уперлась.

Потомъ спустился онъ внизъ.

Принесъ изъ деревни метлу, подвѣсилъ ее къ себѣ за спину и давай вверхъ карабкаться.

Глядимъ мы, рты поразинули.

Вотъ долѣзъ Титъ до облаковъ, всталъ на нихъ, дошелъ до края, да какъ начнетъ метлой направо да налево махать.

Сталъ онъ облака метлой разгонять, словно дворникъ на улицѣ грязь сметать.

Глядимъ, дыра въ облакахъ прорвалась.

Сквозь нее солнышко пробилось.

А Титъ знай ходить по облакамъ, да ихъ метлой во всѣ стороны разгоняетъ.

Все больше и больше дыра въ облакахъ дѣлается.

Весь день до вечера ходилъ онъ по облакамъ и метлой своей облака разгонялъ.

А къ вечеру все небо отъ облаковъ очистилъ, только кое-гдѣ бѣлые хлопья небольшіе оставилъ.

Ну-съ, ладно.

Спустился онъ подъ-вечеръ внизъ.

Съ той поры, какъ бывало начнутъ облака небо заволакивать, такъ сейчасъ Титъ влѣзетъ на облака и разгонитъ ихъ.

Такъ все время ведро и поддерживалъ, пока мужики хлѣбъ собрали и домой свезли.

А мужики за это міромъ его полосы собрали, высохнутъ снопамъ дали и къ нему домой хлѣбъ свезли.

И такой у насъ въ томъ году урожай былъ, какого мы давно не видали.

Самые бѣдные и тѣ оправились.

Жаль только, что Титъ вскорѣ послѣ этого Богу душу отдалъ.

Извѣстно, въ облакахъ сырость и мокрота, ну, и простудился человѣкъ.

Вотъ какое диво-дивное видѣлъ я.

Окончилъ свой разсказъ Никифоръ и говорить:

— Да это еще что!.. Есть у меня знакомый мужикъ Селиванъ, по прозвищу Мудрецъ. Сказываютъ люди, что ждетъ онъ со дня на день увидѣть при всѣхъ самое дивное диво.

Захотѣлось Ивану самое дивное диво и самому увидѣть.

Сталъ онъ спрашивать:

— Какъ къ тому Селивану-Мудрецу попасть и какой дорогой къ нему итти?

Разсказалъ ему Никифоръ все, какъ слѣдуетъ.

Поблагодарилъ его Иванъ и пошелъ.

Отъ Никифоровой деревни Селиванъ-Мудрецъ въ двухстахъ верстахъ жилъ.

Старого Селивана найти не трудно тутъ было.

Знали его и старъ и младъ.

VI.

Пришелъ къ Селивану-Мудрецу Иванъ.

Разсказалъ ему свою исторію и сталъ просить его, чтобы тотъ ему разрѣшилъ на самое дивное диво вмѣстѣ съ нимъ посмотрѣть.

А Селиванъ-Мудрецъ и отвѣчаетъ:

— Вотъ, я уже и увидѣлъ только-что самое большое диво-дивное.

Обернулся Иванъ, сталъ въ разныя стороны глядѣть, — ничего особеннаго не видитъ.

И спрашиваетъ онъ Селивана:

— Гдѣ же ты видишь диво-дивное?

А Селиванъ-Мудрецъ ему и отвѣчаетъ:

— Ты самъ и есть то диво-дивное! Ну, что ты дивишь народъ? Что ты по бѣлому-свѣту шатаешься, да сказками себя тѣшишь? Мужики сейчасъ всѣ работаютъ, хлѣбъ на зиму припасаютъ, урожай собираютъ, а ты хозяйство забылъ, по свѣту бѣлому шлеяешься, ротъ разиня, сказки слушаешь. Вотъ ужъ такого диво-дивнаго мужика, признаюсь, я до сихъ поръ не видывалъ.

Только тутъ вспомнилъ Иванъ, что про хозяйство, съ дивами-дивными, совсѣмъ забылъ.

Покраснѣлъ онъ отъ стыда.

Поблагодарилъ онъ Селивана-Мудреца за правду, да и пошелъ скорѣе домой.

Шелъ онъ, шелъ, наконецъ, и домой пришелъ.

Весь ободрался, на нищаго сталъ похожъ.

Стала его тутъ мать ругать и бранить за то, что онъ на ея старыя плечи все хозяйство бросилъ, а самъ на три недѣли съ лишнимъ изъ дому ушелъ...

Половина зерна въ полѣ осыпалась, только половину и успѣлъ собрать.

А немного еще бы проходилъ, такъ ничего бы не собралъ.

Хорошо, что еще на посѣвъ и на зиму хватило.

Весной поздней пришлось телку продать.

Какъ ни скрывалъ Иванъ отъ мужиковъ свои похождения, да шила никакъ въ мѣшкѣ не утаишь.

Узнали про его хожденія мужики.

Долго смѣялись всѣ надъ Иваномъ, какъ онъ диво-дивное искалъ.

И прозвали мужика съ тѣхъ поръ „Иваномъ диво-дивнымъ“.